

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письма изъ Франціи.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Благодарю васъ за посланныя мнѣ духовныя книги: здѣшнія мнѣ не нравятся. Аббатъ совѣтовалъ купить „Подражаніе Христу“. Я купила. Думала, что это какъ у Иннокентія или какъ Отечникъ. Ничего подобнаго: шаблонно, скучно. Я уже отдала эту книгу некрещенной дѣвушкѣ, горничной нашего пансіона. Родители социалисты не нашли нужнымъ окрестить ее, но выросши, она начала интересоваться религіей, ходитъ къ адвентистамъ. Хозяйка наша сказала мнѣ на-дняхъ, съ чувствомъ: „Вы сдѣлали ей прекрасный подарокъ“. Я не нахожу этого.

Вы хотите знать, не терплю ли я насмѣшекъ за свое православіе? Отъ французовъ—никогда. Они деликатны и умѣютъ уважать чужія мнѣнія. Единственныя насмѣшки, какія я слышала, единственное назойливое приставанье съ атеистическими брошюрами и кощунственными анекдотами исходило отъ русскаго, притомъ юдофоба и праваго. А французы ничѣмъ не оскорбляли моихъ взглядовъ.

Съ нами обѣдаетъ одинъ итальянецъ, студентъ и поэтъ, Тости. Онъ высланъ съ родины за памфлетъ на старую королеву. Рекомендуя себя атеистомъ, онъ однако не прочь сходить въ церковь по привычкѣ и изъ эстетическихъ чувствъ. Ему я могу безъ стѣсненія рассказывать о томъ, какъ хороша наша вѣра и насколько все у насъ лучше, чѣмъ здѣсь: богослуженіе, священническія одежды, все. Равнодушныи къ своей религіи, онъ слушаетъ меня терпѣливо и даже съ интересомъ, а я рада отвести душу и не обижаюсь, что сожительница моя Славина подсмѣивается тихонько надъ нами.

Тости меня слушаетъ, а смотритъ на нее... Позовутъ обѣдать, и она будетъ стыдить его и отставлятъ лишніе стаканы и вилки, которыя онъ, по разсѣянности поэта, всегда собираетъ около своего прибора.

Славина дочь церковной семьи. Вѣру потеряла въ послѣдніе годы гимназической учебы. Честный, правдивый чело-вѣкъ. Въ церковь, по своей прямолинейности, не ходитъ, но сохранила уваженіе къ религіи. Умѣетъ принимать чужое горе къ сердцу. Вообще, это — глубоко нравственная натура безъ вѣры во Христа: такія бываютъ.

Другая наша сѣверячка здѣсь — Львова. Обѣ онѣ — хотя и молоды — но уже много пережили, только переживанія ихъ были неодинаковыя. У Славиной — семейныя неурядицы, обиды и разочарованія въ близкихъ людяхъ, оставившія въ ней навсегда грустную внутреннюю настроенность подъ поверхностною смѣной веселыхъ впечатлѣній молодости. У Львовой — порывы, сомнѣнія и дерзанія собственной мятежной души, при вѣшнихъ удачахъ. Она выросла въ институтъ, „обожала батюшку“, но затѣмъ прочла много отравленныхъ книгъ, — отравленныхъ чувственностью и безвѣріемъ, — и ее къ этимъ книгамъ тянетъ... но и жалѣетъ она, зачѣмъ прочла ихъ, и не знаетъ сама, христіанка она, или нѣтъ. Изящная дѣвушка, много эгоизма. Богато одаренная, но сложная и не всегда искренняя душа. Въ церковь она ходитъ, любитъ ту же, которую и я, — Saint André — сидитъ тамъ въ темнотѣ, за колонной, у гробницы Баярда, гдѣ въ нишѣ мерцаетъ одинокая лампадка. Размышляетъ о своей жизни, а можетъ быть и плачетъ иногда, молясь Тому... въ Кого едва ли вѣритъ.

Кромѣ этихъ двухъ, есть три или четыре русскія студентки, серьезно занимающіяся, и еще нѣсколько кутящихъ. Затѣмъ все — еврейки. Изъ мужчинъ-студентовъ тоже большая часть еврей, меньшая — латыши, поляки, армяне, настоящихъ русскихъ очень мало. Есть и болгарская колонія. Болгары не кутятъ, но очень падки на карточную игру, и такъ какъ это почти всегда люди со средствами, то къ нимъ примазываются полячки, а иногда и французы, обыгрываютъ ихъ.

Почти всѣ русскіе подданные причастны политикѣ. Есть типы несимпатичные, но есть и хорошіе, добрые между

ними. Одинъ—бывшій офицеръ; его такъ уважаютъ, что никто и не зоветъ по фамиліи, всѣ—по имени. Это тихій, застѣнчивый человекъ, носящій, какъ рану въ сердцѣ, неисцѣлимую тоску по родинѣ. Да о Россіи почти всѣ тоскуютъ; это ярко сказалось, когда прїѣзжала съ своимъ хоромъ Славянская.

Живемъ мы, какъ оторванные листья,—и вдругъ судьба насъ порадовала. Въ одно утро увидѣли большія афиши съ знакомыми именами. Затѣмъ на сценѣ французскаго казино появились мужчины въ боярскихъ кафтанахъ и красныхъ сапогахъ, дѣвушки въ голубыхъ сарафанахъ, кудрявые мальчики въ шелковыхъ рубашкахъ, раздались звуки бала-лайки. О, что это былъ за праздникъ сердца! Мы видѣли не модное кривлянье, а цѣломудренную и удалую русскую пляску, слушали „Лучинушку“, „Возлѣ моста“, украинскія пѣсни, „Шумну Марицу“, и ужь не помнили ни о чемъ другомъ. Эти пѣсни, пляска, одежды явились намъ, какъ воплощеніе родной идеи, частичное, но подлинное. Той идеи, которую, какъ самое дорогое сокровище, мы носимъ глубоко въ душѣ, даже не сознавая этого. Я говорю объ *идеѣ*, а не о дѣйствительности русской, нѣтъ ие о дѣйствительности, увы!

Замѣчательно очень: въ эти незабвенные дни не мы одни были возбуждены и увлечены русскими чувствами: многіе изъ нашихъ евреевъ горячо переживали эти чувства, и наоборотъ были чисто-русскіе, оставшіеся вполне равнодушными.

Спасибо французамъ: хотъ и не понимали словъ, но ходили много, поддержали сборъ. Явился даже цѣлый пансіонъ дѣвицъ на послѣдній вечеръ. Поправилось. Иные, впрочемъ, изъ слушателей дремали, просыпаясь лишь для апплодисментовъ.

Насколько все русское кажется отсюда прекраснымъ,—во сто разъ прекраснѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ,—это пойметъ только тотъ, кто живалъ на чужбинѣ, нужды нѣтъ, что жить здѣсь прїятнѣе, удобнѣе и легче...

Досадно, что въ этой прїятной и удобной жизни русскіе способны такъ распускаться. Еще въ провинціи—менѣе, хотя и здѣсь есть кутящая компанія, между своими, конечно. Видишь иногда свѣжую дѣвочку, отпущенную родными сюда, на курсы французской словесности. Попадетъ въ без-

шашанный кружокъ и сама закружится. И не узнаешь ее. А родные-то думаютъ, что она учится, и посылаютъ деньги, отказывая, быть можетъ, себѣ.

Но здѣсь такія еще сохраняютъ хотя наружную порядочность, а въ Парижѣ иногда и этого нѣтъ. О женщинахъ русской колоніи въ Парижѣ поразказала мнѣ одна почтенная нѣмка, и не кумушка какая-нибудь, а спортсменка сама, жена парижскаго professeur'a. Рассказывая, она все приговаривала: „on les abhorre! on les abhorre!“ Потомъ одумалась и пришла извиниться.

Здѣсь любятъ внѣшнюю порядочность. И къ серьезной, не теряющей своего достоинства дѣвушкѣ, относятся прекрасно. Скорѣе отъ товарищей изъ русскихъ же подданныхъ дождешься какой-нибудь сплетни. Недаромъ иные совершенно избѣгаютъ знакомства съ соотечественниками.

Въ средѣ нашихъ Гренобльскихъ я провела свою первую Пасху здѣсь, и провела довольно странно.

Вербное воскресенье. Прекрасное, свѣтлое утро. Я пошла въ „Saint André“,—церковь отъ XIII-го вѣка, строгаго стиля, безъ модныхъ украшеній, безъ образовъ съ пылающимъ сердцемъ, но съ хорошимъ изображеніемъ св. Троицы въ окнѣ высоко надъ алтаремъ. Всѣ ряды стульевъ были заняты изящно одѣтыми богомольцами и еще многимъ не хватило, стояли. Месса торжественная, органъ, у всѣхъ вѣтки зеленаго кустарника buis ¹⁾. Кончилась служба, начали выходить. Что это? Глазамъ не вѣрю: поднялась редицественная дама, пошла къ выходу, а рядомъ съ нею поднялся и идетъ большой сѣрый догъ.

Возвратившись къ себѣ, я говорю за обѣдомъ:

— Мнѣ сегодня показалось, будто въ церкви сидѣла дама съ догомъ.

— Вамъ не показалось, отвѣчаетъ спокойно хозяйка, это вѣроятно и былъ догъ. Почему нѣтъ?

А взглянула на Слазину, и мы не сдержались — захотали.

¹⁾ *Buxus sempervirens* L., букса, самшитъ или шамитъ, пальма, пальмовое дерево и т. д. Вѣтви того растенія употребляются въ качествѣ вайи и на Кавказѣ.

Хозяйка обидѣлась.

— Вамъ смѣшно, замѣтила она кислымъ тономъ, — развѣ у васъ не пускаютъ собакъ въ церковь?

Мы все не могли унятьса, твердя: „простите... простите...“ Тости блеснулъ изподлобья глазами и сквозь зубы кинулъ:

— Пустить бы и кошекъ вмѣстѣ...

Со временемъ я привыкла видѣть собакъ въ церкви (и на столѣ, особенно когда столъ стоитъ на улицѣ)... Здѣсь очень добры къ животнымъ. Лошадямъ надѣваютъ на головы клеенчатые чехлы въ дождь и легкія шляпки въ лѣтнія жары. Залаетъ собака—на нее не орутъ: „Цыцъ подлая!“ и не швыряютъ въ нее чѣмъ попало, а спокойно говорятъ: „Voulez-vous vous taire?“ И животныя здѣсь понимаютъ слова. А у насъ—Боже мой! Вольно вспомнить о множествѣ измученныхъ лошадей, терпящихъ ежедневную пытку въ рукахъ жестокаго, безразсуднаго, не знающаго ни справедливости, ни пощады человѣка!

Наше Вербное Воскресенье слѣдуетъ черезъ недѣлю за католическимъ, и Пасха такъ же.

Еще заранѣе Львова пригласила къ себѣ праздновать нашу Пасху. Обѣщала приготовить яйца и творожный сыръ.

Я радовалась этому. Собралась пойти утромъ, но оказалось, что мы званы къ 3-мъ часамъ послѣ обѣда. Чтожъ дѣлать? Tant pis!

Отобѣдали и пошли. Хочу повернуть въ ту улицу, гдѣ живеть Львова.

— Куда вы? останавливаетъ меня Славина.

— Къ Львовой, я думаю.

— Она не у себя празднуетъ, у Блюменбаумовъ.

Тутъ уже я и сама остановилась, пораженная. Какъ, Христовъ день праздновать у евреевъ?—Нѣтъ, я не пойду!

— Полноте, Вы ее обидите. У ней же тѣсно, одна комната, некуда всѣхъ принять, а у Блюменбаумовъ квартира.

Уговариваетъ, а я знаю, что и самой ей это не очень пріятно: не нравятся ей Блюменбаумы, друзья Львовой. Хотя про эту еврейскую чету ничего дурного сказать нельзя.

Подумавъ, я пошла, но уже безъ прежняго удовольствія. Въ квартирѣ Блюменбаумовъ Львова, нарядная и хорошень-

кая, вмѣстѣ съ хозяевами встрѣчала гостей. Ея трудами было приготовлено нѣсколько разноцвѣтныхъ яицъ, небольшой сыръ, сверхъ того стояло вино, конфеты, печенье и—какъ всегда—цвѣты. Собрались гости: нѣсколько молодыхъ евреекъ, студентъ еврей; студентъ русскій и одинъ молодой французъ, бывавшій въ Россіи,—все люди, знакомые другъ съ другомъ; казалось, что будетъ весело. Поѣли, попили чая. да; но что тутъ было пасхальнаго? Одна только Львова, здороваясь, сказала мнѣ: „Христось воскресе“, но и то какъ-то незамѣтно. Для прочихъ это былъ такой же день, какъ и всѣ.

Послѣ угощенія молодежь цюиграла въ фанты. Надоѣло. Потанцовали, — тоже довольно вяло. — Не стѣсняю-ли ихъ? подумала я, и поблагодаривъ, ушла. Часа черезъ два возвратилась и Славина.

— Ну чтожъ, повеселились? спрашиваю.

— Нѣтъ, скучно было. Послѣ Васъ усѣлись въ кружокъ и завели свою потѣху,

— Какую?

-- Анекдоты, конечно. Всегда ужъ это, какъ сойдутся. Терпѣть не могу.

— Отчего же не любите?

— Да вѣдь анекдоты эти—одно кощунство. И хоть бы остроумное, а то нѣтъ: скучно, плоско. Да имъ все равно, смѣются, лишь бы „посильнѣе“...

— Это ужасно! сказала я. И въ Пасху!.. Но какъ же Львова?..

— Она не смѣялась. Но и не останавливала. Знаете ее. А я наконецъ не вытерпѣла, сказала: „Господа, неужели мы для этого собрались сегодня?“ Замолчали. Блюменбаумъ даже извинился, понялъ. Ну, всѣмъ неловко... Львова говоритъ: „Идемъ въ синему!“ Въ синемѣ ²⁾ и сидѣли. Картины хорошія.

При первой же встрѣчѣ я спросила Львову, какъ могла она допустить, чтобъ ея гости вели въ Пасху кощунственные рѣчи.

— Я, право, не слушала... Сама не знаю, какъ это вышло,

²⁾ Сокращенное отъ *синематографъ*; русскіе склоняють это слово. Здѣсь любятъ сокращать: *проф* вмѣсто *профессоръ*, *sous-off* вмѣсто *ундерб-офицеръ*. *Агдог* въ большомъ ходу у студентовъ, стало попадать и въ литературу.

отвѣчала она неохотно, и живѣе прибавила: но вѣдь хозяинъ извинился! съ такимъ выраженіемъ, какъ будто если хозяинъ извинился, то ничего худого и не произошло.

Нынѣшняя Пасха была совсѣмъ другая. Я никого не звала, только красила въ Четвергъ яйца, какъ слѣдуетъ, вышли темно-красныя,—заглядѣнье. Славина ворчала: „Кому это нужно?“ А я дѣлала свое. На Воскресенье въ полночь у открытаго окна прочитала пасхальный канонъ, смотря на звѣзды,—вѣдь и въ Россіи онѣ же свѣтять! Взяла съ собой яицъ и передъ обѣдомъ похристосовалась съ студентомъ болгаринномъ въ его комнатѣ, потому что онъ до болѣзненности застѣнчивъ. Болгаркѣ, почему-то запоздавшей, положила яйцо передъ приборомъ. Она пришла и увидѣвъ яйцо, просіяла, стала благодарить. Студентъ-соціалистъ, сибирскій еврей, тоже поглядываль на яичко это внимательно и безъ насмѣшки. Что-нибудь давно знакомое, вспомнилъ, должно-быть.

Позже пришли къ намъ—больной интеллигентъ-москвичъ и немолодая уже русская курсистка. Это свои. Еще изъ дверей окна кричить мнѣ: „Христось воскресе!“, а я отвѣчаю солидно: „Воистину воскресе!“ и, внутренно торжествуя, подаю ей красное яйцо. Она удивилась, обрадовалась, какъ дѣвочка. Съ москвичемъ я не рѣшилась похристосоваться и онъ долго упрекалъ меня за это: „Не дали мнѣ яичка. Богъ съ Вами! Вы всегда меня обижаете!“

Лучшій перлъ православія—радость Пасхи—у католиковъ отсутствуетъ. Пасха для нихъ такой же праздникъ, какъ другіе. Да и въ нашихъ церквахъ не теряется ли годъ отъ года эта небесная радость, этотъ свѣтлый восторгъ полной Пасхальной службы? Та ли это, рвущаяся мощно изъ груди, пѣснь побѣды, какою звучала пасхальная служба, лѣтъ 30—40 тому назадъ. Искалѣчили, сократили, порыва нѣтъ равнодушное пѣніе на новые мотивы („ничего, прилично спѣли“) отняло всю яркую особенность этого высокаго торжества... Уже много лѣтъ не слыхала я той пасхальной службы, какою Богъ привелъ меня наслаждаться въ началѣ жизни, и едва ли еще гдѣ-нибудь услышу ее на землѣ!

Нѣчто, похожее на Пасху, бываетъ у католиковъ въ концѣ мая, „мѣсяца Маріи“. Весь этотъ мѣсяцъ храмы заботливо украшаются цвѣтами, фонариками, тропическія растенія окру-

жають алтари, службы торжественны, особливо вечернія, съ 8-ми часовъ, когда публика тѣснится, чтобъ слушать лучшихъ духовныхъ ораторовъ. Послѣдній же вечеръ мая—самый важный. Храмы не вмѣщаютъ народа; нечего и думать войти, если вы чуть-чуть опоздали. Вотъ фешенебельная церковь S. Louis. Высокія двери открыты настежь. Черезъ головы людей, столпившихся въ дверяхъ и на крыльцѣ, видно воздушное изображеніе Богородицы надъ алтаремъ, окруженное гирляндами цвѣтовъ, лентъ и разноцвѣтныхъ огней. Въ темнотѣ южнаго вечера внутренность храма сіяетъ. Слышенъ даже на улицѣ органъ, Идетъ радостное церковное торжество—освященіе розъ въ честь Богоматери.

Тости, знатокъ въ поэзіи, говоритъ, что служба эта не имѣетъ себѣ равныхъ.

Дѣйствительно, у католиковъ больше поэзіи въ культѣ св. Дѣвы, но и несравненно больше чувственного. Нашему сердцу знакомъ иной, строгій, неземной красоты образъ. Намъ ближе Всещѣтая Мать скорбящихъ, чѣмъ Sancta Rosa... Впрочемъ, я это сужу по-человѣчески, а по-Божьи — „Владычица благословляетъ своихъ людей, благословляетъ Востокъ и Западъ“ въ своей великой милости!

Упомянуть или нѣтъ о проповѣдяхъ популярнаго аббата въ S. Louis? Такимъ онѣ представляются униженіемъ святости, что даже неловко рассказывать. Онѣ проповѣдывались по вечерамъ, и стулья ломились отъ слушателей. Но войдешь—и съ удивленіемъ видишь—смѣются. Наши особенно, ходили, какъ на фарсъ. Да и нельзя не смѣяться: онѣ нарочно пересыпаютъ рѣчь тонкими шутками, чтобъ публика не скучала. А жесты какіе у него театральные: то весь подается впередъ, на слушателей, то вдругъ отбросится назадъ точно ужаленный. И что говорить! Сравниваетъ, напимѣръ, женственный типъ Пресвятой Дѣвы съ типомъ Іоанны д'Аркъ и проч.

Все это ради популярности.

Пишу я Вамъ, а сама прислушиваюсь къ тому, что говорится рядомъ. Сегодня у насъ одинъ рабочій моетъ окна и натираетъ полы, а другой—отъ домовладѣльца — пришелъ перекрасить стѣны въ кухнѣ. Первый—типъ пожилого французскаго ухоря: monsieur въ синемъ фартукѣ. Говорить

громко и много, курить часто, вообще лѣвится. Онъ себѣ на умѣ: хозяйка уже жаловалась, что онъ содраль съ нея 7 франковъ за день. Красильщикъ же совсѣмъ противоположный типъ: спокойный молодой человѣкъ, говорить тихо и сдержанно, работаетъ добросовѣстно.

— Большое у Васъ было собраніе? спрашиваетъ первый.

— Большое, товарищъ. Всѣ пришли, погода благоприятная.

— Какое это собраніе? спрашиваетъ старая прислуга, работающая по часамъ.

— Наше приходское. Я состою въ рабочемъ союзѣ прихода S. Bruno.

Нѣсколько минутъ молчанія. Прерываетъ его полотерь.

— А вотъ я не таковскій. Меня ужъ попы не заставляютъ платить за стулья, нѣтъ!

— За стулья платятъ бездѣлицу. Мы несравненно больше оставляемъ въ кафе, кротко возражаетъ красильщикъ.

— За то въ кафе весело...

— Некогда намъ по церквамъ ходить, замѣчаетъ старуха.— Да и пользы мало...

Молчаніе.

А слышали Вы новость? вдругъ возбужденно заговариваетъ она же. Вчера опять былъ грабежъ, cambriolage.

— Да, читаль утромъ. И воръ опять подростокъ, 18-ти лѣтъ. Сынъ честныхъ рабочихъ,—скверное дѣло.

— Таково нынѣшнее воспитаніе, промолвилъ католикъ.

— Что? Да, Вы правы, товарищъ. Портится молодежь. Не люблю я поповъ, но что правда, то правда: когда они завѣдывали школами, этого не было.

— Oh, là là! кричитъ женщина. Помню я, какъ при попахъ было: учили скверно и наказывали бѣдныхъ дѣтокъ. Sales moines, va! Теперь лучше: свобода.

— Такъ-то такъ, мадамъ Gilot, да свобода эта не та, которую намъ нужно. Балуютъ ребятъ. Теперь у рѣдкаго сынъ не побываетъ въ тюрьмѣ.

— Это ужъ не отъ школъ.

— Ну, прежде этого не было. Да мнѣ что? У меня-то нѣтъ дѣтей. А одинокій, жена меня бросила... Пойдемъ, отдохнемъ, товарищъ!

А. Купрянова.